

Вечер в городе S был хмурым и дождливым. Тяжёлые тучи сдавливали небо, окутывая всё в серой мгле, настолько давящей, что казалось, будто весь город погрузился в сон.

Су Цзяньцю очнулся в больничной палате. Веки были тяжёлыми, тело — тоже. Кровать под ним напоминала тряси́ну, затягивающую вниз, отчего всё его существо испытывало мучительный дискомфорт.

Медсестра, пришедшая сменить капельницу, увидев, что он пришёл в себя, тут же побежала звать врача. Пациент накануне вечером вскрыл себе вены, два часа его спасали в реанимации, всю ночь он пролежал без сознания, и вот наконец очнулся.

Су Цзяньцю повернул голову на подушке. В глазах потемнело, и рассыпались золотые искры. Потолок закружился, закружилась и кровать под ним. В груди подступила тошнота, в животе заныла тупая боль.

Несмотря на то что рука от капельницы занемела от холода, рана на запястье по-прежнему пылала жгучей болью.

Всё это напоминало ему: попытка самоубийства не удалась, его снова спасли.

Врач прибыл быстро, за ним следовало несколько медсестёр. Осмотрев пациента поверхностно, он что-то сказал медсёстрам. Су Цзяньцю не разобрал слов, затем врач ушёл, оставив медсестру менять ему повязку.

Рана болела. Болела, даже если её не трогать.

Когда медсестра обрабатывала рану, Су Цзяньцю окончательно пришёл в себя. Из пересохшего горла вырвался хриплый, слабый стон, на бледном как полотно лице мгновенно выступил пот.

Медсестра успокоила его:

— Сейчас всё будет, потерпи немного.

Другая медсестра, проявив заботу, вытерла ему пот марлей.

— Спасибо вам, — голос Су Цзяньцю из-за слабости звучал с усилием.

Молодая медсестра, тронутая его вежливостью, мягко ответила:

— Не за что.

Медсёстры справились с перевязкой очень ловко, закончили быстро. На самом деле это заняло не так уж много времени, но Су Цзяньцю от боли казалось, будто каждая секунда длится целый год.

— Ваш родственник ждёт снаружи, сейчас зайдёт.

Медсёстры собрали инструменты и вышли.

Молодая девушка у двери, едва увидев, что медсёстры вышли, тут же ворвалась в палату. Глаза её были красными, губы дрожали, в руках она держала два ланч-бокса. Увидев Су Цзяньцю, лежащего смертельно бледного, она разрыдалась.

— Ты наконец очнулся! Я чуть не умерла от страха!

Она плакала, полная обиды, голос её сорвался на хрип.

Поставив ланч-боксы, она бросилась на Су Цзяньцю, убитая горем:

— Я так испугалась, так испугалась! Я никогда раньше не собирала чьи-то останки! Хорошо, что ты не умер!

Су Цзяньцю кашлянул и слабо произнёс:

— Если ты сейчас же не встанешь, то точно прикончишь меня.

— А, ага, я же не задела рану? — девушка тут же подпрыгнула и отпрянула.

Увидев свою неуклюжую помощницу, Су Цзяньцю на душе стало чуть легче.

— Ланьлань, если бы я и правда умер, с твоей-то неуклюжестью, тебе наверное было бы трудно устроиться к кому-то другому.

— А кто в этом виноват? Когда я только начала работать у тебя помощницей, я тоже была степенной и осторожной! Пять лет с тобой — кто меня так избаловал?

Помощница, болтая, приподняла изголовье кровати, подложила Су Цзяньцю под спину подушку, чтобы он мог опереться, и разложила прикроватный столик.

— Я купила кашу, давай покормлю тебя. Целые сутки ничего не ел, — голос помощницы снова задрожал от слёз. — Ради такого человека стоило так делать? Довести себя до такого состояния! Чуть не отправился на тот свет!

— Ланьлань... — Су Цзяньцю опустил голову, края глаз покраснели.

Ланьлань поняла, что сказала лишнее. Человек едва очнулся, зачем же она снова вспомнила того? Нужно срочно сменить тему. Она взяла кашу и поднесла к Су Цзяньцю:

— Каша из фиолетового батата и ямса, легко усваивается. Я попросила положить поменьше сахара. Понюхай, вкусно пахнет! Давай, покормлю тебя.

У Су Цзяньцю не было сил, одна рука была ранена, в другую ставили капельницу, так что самому поесть он действительно не мог и позволил ей кормить себя.

Целые сутки без еды, он и правда проголодался. Каша была сварена негустой, её легко было есть. Су Цзяньцю съел чуть меньше половины миски. Ланьлань больше не болтала, они молча совершали ритуал кормления и принятия пищи. Только когда Су Цзяньцю сказал «хватит», Ланьлань прибралась и сама кое-как проглотила несколько ложек риса из ланч-бокса.

*

Поев, Су Цзяньцю немного восстановил силы и наконец набрался смелости включить телефон.

— Не смотри! — Ланьлань выхватила у него телефон.

В глазах Су Цзяньцю мелькнула мольба:

— Ланьлань, отдай мне телефон. Если не разобраться в текущей ситуации, как мы сможем справиться с тем, что нас ждёт?

В его взгляде читалась решимость, в глубине зрачков появилось что-то, чего Ланьлань не понимала.

Ланьлань почувствовала, что Су Цзяньцю будто бы изменился, стал не таким, как раньше, но не могла понять, в чём именно.

Она растерянно протянула ему телефон, пробормотав:

— Тогда смотри, но только не расстраивайся, не плачь.

— Неужели я настолько хрупкий? — Су Цзяньцю взял телефон и открыл Weibo.

[#СуЦзяньцюЛюбовница#]

[#СуЦзяньцюСодержанка#]

[#СуЦзяньцюШэньСюци#]

[#СуЦзяньцюРасторжениеКонтрактаНеустойка#]

Несколько новостей выпрыгнули одна за другой, дружно взлетев в тренды.

В разделе комментариев — сплошной поток оскорблений.

[Откуда вылез этот неизвестный? Без того, чтобы стать любовницей, даже в тренды не попал бы!]

[Этого не отмоешь. Раньше ещё смотрел его веб-сериалы.]

[Чтоб ты сдох!]

[Быть любовницей — не отмыться. Да и этот мелкий знаменитость тупой до безобразия, даже не посмотрел, какого ранга официальная жена?]

[Ах! Простите, он довольно симпатичный. Наслажусь красотой секундочку, а потом буду ругать...]

[Зачем с такой внешностью быть любовницей! Пусть ты и неизвестный, но всё же знаменитость, с такой красотой лучше бы карьеру строил!]

[Этот ничтожный неудачник попал в тренды, подозреваю, что официальная жена стоит за этим и специально хочет его добить.]

Су Цзяньцю пролистал телефон, просмотрев все тренды о себе, заодно уловив направление общественного мнения в комментариях. Он никогда не думал, что однажды его имя и имя Шэнь Сюци окажутся рядом таким образом.

Он не дождался, пока Шэнь Сюци объявит на весь мир об их любви, а сам уже покрыл себя позором.

Су Цзяньцю и Шэнь Сюци были вместе много лет. Любовь Шэнь Сюци отбила у него всякое желание строить карьеру. Кто не хотел бы быть оберегаемым, не прилагая усилий? Как же прекрасно питаться любовью. Поэтому за пять лет дебюта он с самого начала восьмидесятого уровня дошёл лишь до нынешнего восемнадцатого.

На этот раз это и правда был пик его популярности. Если бы не этот скандал, он бы никогда в жизни не попал в тренды, да ещё на такие высокие позиции.

Рана на запястье снова заныла, тихо напоминая о вчерашней глупости и слабости. Столкнувшись с брошенностью богатым бойфрендом, давлением, провальной карьерой, опутанный скандалом и огромной неустойкой, он оказался загнан в угол и захотел сбежать от всего через смерть.

Су Цзяньцю пребывал в задумчивости, когда дверь палаты открылась.

В комнату вошёл высокий, статный Омега. Выражение его лица было надменным, он смотрел на Су Цзяньцю свысока.

Цзян Чжоу усмехнулся. Он впервые видел Су Цзяньцю так близко. Ещё по фотографиям тот произвёл на него ошеломляющее впечатление, а теперь, увидев живого, он снова был поражён его красотой.

Действительно красив, не зря Шэнь Сюци не хочет отпускать.

Су Цзяньцю был классическим образом омеги — прекрасен до бесполости, бесконечно обворожителен.

Соответствовал идеальным стандартам выбора партнёра для многих альф.

Худощавый, утончённый, светлокожий, с первого взгляда видно — драгоценный, вызывающий желание оберегать. Под глазом — красная слезинка-родинка, способная увести душу.

Какой же альфа не захотел бы припрятать такую красоту?

Цзян Чжоу придвинул стул и сел, небрежно закурив сигарету.

Су Цзяньцю побледнел и кашлянул.

— О, прости, ты же пациент, — Цзян Чжоу потушил сигарету.

— Слышал, ты вчера пытался покончить с собой. Когда новость дошла до Шэнь Сюци, он с ума сходил от беспокойства. Но он не может выйти, семья держит его под контролем, он не осмеливается выйти, — Цзян Чжоу улыбнулся. — Шэнь Сюци разочаровал тебя. По сравнению с тобой, конечно же, важнее интересы семьи. Если он не подчинится семейным договорённостям, он станет никем.

В наших семьях всё именно так: браки не зависят от нашей воли. Шэнь Сюци тоже хорош — мог бы просто содержать тебя для удовольствия, но обязательно влюбился по-настоящему, а способностей у него не хватает. Я не против тебя лично. Мы с ним должны стать мужем и женой. Он может развлекаться как хочет, я не буду сильно вмешиваться, но я должна дать ему урок, чтобы он знал, в чём нельзя быть серьёзным.

Су Цзяньцю слушал с бесстрастным лицом. Он в целом догадывался: если бы не Цзян Чжоу стоял за кулисами, в интернете не было бы столько скандалов о нём. Знакомые с индустрией развлечений понимали: его кто-то очерняет, чтобы он больше никогда не смог подняться.

Капитал определяет общественное мнение. Перед лицом общественного мнения он был беспомощен, как рыба об лёд. Из законного бойфренда его превратили в любовницу, обычные

романтические отношения — в содержание.

<http://bllate.org/book/15452/1370804>